

Дмитрий ГОРОХ

г. Петрозаводск

ВЕТВЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Сегодня уже и не скажешь, как это было совсем недавно, что Карелия – замороженный поэтический край, где литературная жизнь еле теплится, словно у бактерий, найденных где-то в Антарктиде под километровой толщей ледникового панциря. Что-то сдвинулось с мертвой точки, может быть, провернулись жернова небесных сфер, но нет уже того состояния отрешенности, подавленности, творческого анабиоза писательского цеха в целом, что характерно было для рубежа эпохи и тысячелетия. И основа того кризиса, как видится сегодня, не в том, что писатели вдруг перестали писать, а издательства печатать, хоть было и это тоже, а в трагическом сдвиге системы ценностей (не только художественных), в трудном переосмыслении антисистемной, по сути, природы постмодернизма, в итоге так и не принятого как культурная парадигма провинцией. Все это, в конечном счете, привело к разрушению привычных связей и коммуникаций в писательской элите, как горизонтальных (формирование нескольких союзов писателей и борьба между ними), так и вертикальных (центр – регион).

Не пытаясь гадать, как это принято в последнее время, в какой точке кризиса находится наша литература, необходимо все же отметить наметившееся оживление на карельском Парнасе. Часты стали выходы поэтических книжек, запестрели

именами литературные страницы, чубы литсоюзов трещат уж не только на ниве больших политических разногласий, а также и на почве малых поэтических дел. При финансовой поддержке из бюджета начинают издаваться книжки местных авторов, в том числе два сборника стихов, о которых речь пойдет ниже. И все это вместе с возросшей активностью самих литераторов, напором творческой молодежи позволяет думать о сохранении и развитии словесности в Карелии.

Итак, литературный процесс существует. Неочевидными остаются его уровень и результат – именно современная литература. Слишком бурным и мутным потоком потекли литературные реки, вскормленные бесчисленными ручьями бесталанных, дилетантских или часто графоманских произведений, печатанных на средства автора. Макулатурное половодье скрывает от глаз и читателя, и критика редкие прозрачные родники художественного слова, делает тягостным и многотрудным выбор, попросту убивает время. А главное, реки эти текут в никуда, выходят из берегов, заболачивают и замораживают душу. На десятилетия затянулся мировоззренческий художественный хаос разнонаправленных мотивов, приемов, жанров, ценностей и, соответственно, поиск литературного направления, способного вместить все произошедшие с человечеством и человеком перемены, всю эту клокочущую, неперебродившую творческую массу модернизма, ищущую и не находящую устойчивой формы в существующих философских системах.

Объять современную поэзию практически невозможно, в основном, в силу феодальной раздробленности литературных средоточий страны. Москва давно уж не является объединяющим и испытующим центром, а межрегиональное взаимодействие ограничено естественным образом. Московские толстые журналы не вмещают и не пытаются вместить разногласицу провинции, отчего и не имеют былого общероссийского пиетета, преобразовавшись в локальные формации с номенклатурным характером подбора авторов, о чем, в частности, пишет Е.В. Степанов. Эта тенденция уже имеет форму замкнутого порочного круга, что ускоряет исход литераторов из существующей реальности в киберпространство, т.е. Интернет. Ни одному критику не под силу разглядеть и осуществить качественный отбор в тысячах региональных журналов, газет, выпущенных сборников и книг, в таком же количестве сайтов, блогов, личных Интернет-страниц, поэтому любое исследование будет носить и носит вынужденно частный характер.

В существующей критической литературе предла-

гается к поэзии конца XX – начала XXI вв. применять наиболее условное разделение на традиционалистов и новаторов, где первые являются приверженцами силлабо-тоники и испытанных временем изобразительных средств, а вторые активно развивают верлибр, акцентный стих, силлабический стих и создают новую эстетику. Но это естественно-научная, генетически predetermined оппозиция, свойственная всему живому в целом. Борьба старого и нового, проблемы отцов и детей, отрицание отрицания, подростковый максимализм – суть действия естественного отбора, развивающиеся короткими циклами, как правило, в пределах одного поколения и имеющие драматический характер.

Значительно усложняет картину российской культуры мировоззренческая трещина, столетиями разверзнутая в пропасть и определяемая понятиями славянофильства и западничества. Развитие этих взглядов, возьмем современную литературу, привело к противостоянию либералов и почвенников, войне критиков, журналов, литсоюзов, обычному уже расстрелу оппонентов и инакомыслящих всеми залпами многопущечных СМИ. Эта война гражданская, противостественная, политически ангажированная, несправедливая, братоубийственная ведется под святыми знаменами духа на выжженных островах человеческих душ. Эта борьба бесплодна и бесконечна и потому трагична.

Поэты-почвенники, писатели-деревенщики, авторы крестьянского направления (многие исследователи предлагают усложнить эти слова-понятия частью «нео» со значением новый, дабы показать развитие подходов: неопочвенники, неавангардисты, неомодернисты и т.д., но мы избежим этого здесь и далее) былинной межой, как железным занавесом, отделили от змея глобализации и потребления свое духовное, национальное поле, заодно приватизировав понятие традиционности и оставив многим формально традиционным политическим и культурным оппонентам нишу новаторства. Поэтому следует отделить в емком понятии новаторства принудительно эмигрировавших из традиции либералов, использующих классические, или ставшие таковыми, литературные методы, от авангардистов: соцарт, иронистов, концептуалистов, постмодернистов, уходящих метафористов и куртуазных маньеристов, и прочих, и прочих. Все эти кружки, группы, школы, объединения давно бы переболели «детской болезнью левизны» и накопленным опытом словотворчества и неформальной изобразительности могли бы обогатить русскую литературу, когда б не искусственные огороды и частоколы литературных резерваций,

заимок и трущоб, когда б не миллионы микротрещин, рассыпавшихся в сердцах.

В самом деле традиционная и авангардная поэзии так долго развивались изолированно, лишённые благотворного взаимопроникновения, что стали говорить на разных языках. Став самостоятельным течением, авангардная поэтика, по большому счету, перестала быть собственно поэзией, и люди, говорящие на новом языке, лишь по недоразумению еще зовутся поэтами или даже стихотворцами. Вот Ника Скандиаки из Великобритании.

Создать того, когда ты не (привет.)
зачем все подбирать? изменить, как сам // подни-
маешься и идешь
домой
изменить, как отправляешься домой
среди светящегося/(ветвящихся) по-прежнему
людей/ создать
человека, пока ты не
человек.

Или москвич Василий Бородин, который со слов И.В. Кукулина «...наиболее традиционен в новаторском поэтическом пространстве 2000-х.

*имя зверей звенит воздуха головной
мозг через тридцать лет яблочный нитяной
вышедший из-под рук утреннего луча
вымерший изумруд головы без ключа*

Данный литературный феномен, нашедший своих исследователей, должен иметь и свое имя.

Полемика между западниками и славянофилами началась после публикации в 1836 г. первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, содержащего резкую критику устоев русской жизни. Как считал философ, «история России – это «отрицательный урок» миру». Резкую отповедь ему дал А. С. Пушкин, заявив: «ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Накануне земельной реформы 1861 г. дискуссия возобновилась, и попытку достичь общественного согласия, дистанцируясь от экстремистских переключений с обеих сторон, предприняло движение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевские, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов и др.). «Мы говорим здесь не о славянофилах и не о западниках. К их домашним разборам наше время совершенно равнодушно. Мы говорим о примирении цивилизации с народным началом...» – писал Ф.М. Достоевский в обращении о выходе журнала «Время» в 1860 г.

В литературе серебряного века и советской литературе до середины XX века вопрос выбора пути не являлся первостепенным, время ставило иные задачи, послереволюционное развитие всецело шло по западническому пути, да и иные расколы тогда тревожили умы.

Вновь вернулись к дискуссии в начале 50-х г. XX века, а уже в 1969 г. на страницах журнала «Вопросы литературы» столкнулись такие авторы, как С. Покровский, А. Дементьев – с одной стороны, В. Кожин, А. Иванов – с другой. Проблема признана неразрешимой.

Развал Советского Союза, ломка прежних государственных устоев, поляризация общества по политическим взглядам и взаимное недоверие сторон придали дискуссии конфронтационный характер, что, в свою очередь, создало в литературе новую – мировоззренческую, непримиримую – линию разлома.

В поэзии эта трещина раскрылась по стыку прежних противоречий. «Интеллектуалисты» против «описательщиков», «громкие» против «тихий», «авангард» против «народников». Будущие «тихие» лирики – В. Соколов, А. Передреев, С. Кушняев – вступили в русскую литературу во второй половине 50-х годов. Начало 60-х – время «громкой», или «эстрадной», поэзии, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского. К концу 60-х на всю страну прозвучали «тихие» Н. Рубцов, А. Прасолов, В. Казанцев. Почвенническое направление продолжило свою эволюцию, выйдя из-под сени «тихой» поэзии в середине 70-х годов (Ю. Кузнецов). Сохранилось размежевание и в 80-х годах, когда критики ввели в обиход понятия «традиционалистов» и «модернистов», тогда же в «почвенном» направлении стали известными: В. Артемов, Е. Артюхов, А. Веденеев, М. Гаврюшин, В. Еременко, Ю. Кабанов, Н. Колычев, Д. Коротаев, О. Кочетков, Г. Красников, Е. Курдаков, В. Лапшин, В. Максимов, С. Максимова, В. Нежданов, М. Попов, Р. Романова, Е. Русаков, В. Скиф, Т. Смертина, М. Шелехов и др. (Из книги вологодского исследователя В. Н. Баракова «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция».)

К началу 90-х годов расхождение позиций было очевидным, полемика стала идеологизированной, да и сами почвенники вошли в период рухнувших надежд. Заговорили о закате «деревенской» прозы и «крестьянской» поэзии, об исчерпанности их художественных идей, о консервативности и даже «реакционности» некоторых ее представителей. Юрий Кузнецов подводит итог:

*Искусства нет – одни новации.
Обезголосел быт отцов.
Молчите, Тряпкин и Рубцов,
Поэты русской резервации.*

Термин «почвенное направление», несмотря на очевидную преимущество, сегодня более точен и применителен, нежели «деревенская поэзия», поскольку от деревни большинство ныне пишущих оторвано и физически, и духовно. В то же время почвенники утверждают уже новую духовную связь не с деревней, как с местом поселения и жизненного уклада, а с землей, «почвой», как генетической памятью, твердыней в мире торопливости и непостоянства, объединивших также такие понятия, как природа и народность. И все же, лишенные молодой пассионарной крови почвенники, в свою очередь, грешат «пасторальной бессодержательностью» и последнее десятилетие топчутся на месте.

Сколь бы ни был талантлив стихотворец, не зная своих координат на литературной карте мира, не ощущая корней и истоков своего ремесла, не предвидя и не предвосхищая будущих своих шагов в творчестве, торящих неисхоженные еще пространства, он обречен на труд этнографа или бытописателя своего лирического «я». Лирика его эклектична, бравурна, цветаста и, не будучи еще искаженной гримасой профессиональной деформации, в первое время может быть интересна читателю-современнику. Подобная литература развивается в массе и не только является фоном литературного процесса, но становится источником и проигрывателем фольклора, медиатором массовой культуры.

Как уже было отмечено, в Карелии сегодня пишут и печатаются множество авторов, среди великанов поэзии их рост часто невысок, что для большинства из них, впрочем, не является очевидным. Заметны бывают одинокие фигуры – те, что и в литературной толкучке способны увидеть горизонт. Наш край не является заповедником традиционализма, но в первую очередь обращают на себя внимание поэты, возросшие на этой ниве. Тому есть несколько причин: наличие литературно-критической школы (например, произведения В. Кожина), богатая традиция русской литературы (включая, безусловно, XX век), философское осмысление своей роли и своего места в мире, что характерно для идеологов нынешнего традиционализма – почвенников.

Отсутствие прочных идеологических устоев у традиционно пишущих либералов есть критерий их отлучения от современного традиционализма. У этой монеты есть и обратная сторона: радикальный национализм некоторых представителей почвенниче-

ства отталкивает от них многих духовно близких литераторов. Плюс странное и противоестественное попутничество с коммунистами, ради семерых электоральных козлят покрестившихся и надевших маску славянофильства.

В этой идеологической и политической шелухе важно существование зерен таланта, не ангажированного маскарадом действительности, литераторов с внутренним духовным стержнем, с собственной правотой. Условность их «прописки» в рамках тех или иных направлений и школ, невзирая на приводимые обобщения и систематизацию, не может и не должна вызывать сомнений.

Александр Веденеев и Олег Мошников – яркие представители двух поколений карельских поэтов-почвенников. Учитель и ученик, русский и вепс, поэт «мыслечувства» и поэт «чувствомысли», профессиональный литератор и профессиональный военный, стихи одного элитарны, другого общенародны – два совершенно не похожих поэта, оба замечательно талантливы и, вместе с тем, мало известны публике и критике за пределами республики.

Александр Веденеев, кажется, родился сложившимся поэтом, даже юношеские его стихи были хороши и заметны, уже в 80-е годы он достиг творческой вершины и прочно на ней обосновался. Не любитель жеста и красного словца, Александр Веденеев пишет полутонами, неспешно развивая мысль. Его предмет реалистичен, рассмотрен со всех сторон, каждая деталь прорисована так, что мысль становится выпуклой в ткани стиха, речь полноводна. «Не хватало судьбы на стихи», – самокритично заметит автор. Поэтому от книги к книге – не новые повороты и коллизии, не авторские перипетии, вылившиеся в стихи, а все то же огромное плотно художественно переосмысленной окружающей жизни, где новые стихи лишь этюды к некоей прочно укоренившейся мысли, убежденности, сквозящей во всей картине. Стихи повторяются, старые, многократно печатанные, и новые, только из-под пера, стихи соседствуют на одной странице, в одной книге, где даты редкость, а время застыло. Автор не настроен на сиюминутные ответы, на полемiku – но и то, что проскальзывает, показывает резерв мастерства, скованного в тесных рамках однажды выбранной формы. Александр Веденеев, на мой взгляд, единственный в настоящее время в республике автор десятка совершенных с точки зрения стиля и формы стихотворений.

Новая книга поэта «Игра света», появившаяся в конце 2008 года, не стала исключением. Основа рукописи – уже опробованные крепкие стихи, прозвучавшие в композициях предыдущих книг.

Но здесь – метафизическая квинтэссенция всего ранее написанного, ничего преходящего, спорного. Вечность, «предчувствие творца», слово. В этом сборнике нет «красного колеса» революций, лагерей и войн, смявшего мужика, о чем размышление в «Древе крови». Нет летописи села, как в «Аквилоне». Или летописи природы, служащей фоном для размышления о творчестве и о Творце, в «Цветах не из ранних». В «Игре света» – итог, вывод, переплетение всех сюжетных линий в один крепкий узел. Автор словно бы ставит себя в творческий тупик, за которым пропасть, и в продолжении либо полет, либо падение.

Стих поэта интересен и разнообразен. Помимо «классических» размеров, встречаются ставшие уже традиционными дольник и акцентный стих, варьируется количество стоп. Все это создает интонационное разнообразие: от протяжной, неравномерной былинности до частушечной дробности, подчиненных особому авторскому, семантическому ритму отдельного произведения.

*Откуда сельчане знают, не любящие словес:
Если сойдет когда-нибудь с неба благая весть –
Только на эту гору в зеленом наряде мая.
Что же в душе дремучей мчится моей сквозь лес
Медвежонком от волка, успев на елку залезть,
Взрыкивая с оглядкой, жизнь свою обнимая?*

Или

*Жаль подружку – замуж вышла,
Под венец да первенец,
Запряженной пары дышлом
Музе по лбу – и конец.*

Однако форма не довлеет над замыслом: строфика и рифмовка лишь подчеркивают точность речи и замысла, не акцентируя внимание на технических деталях стихотворения.

Стремление к народу и земле еще не есть потребность в своеобразном народном мироощущении. Так народная лирика не знает полутонов, ей свойственны яркие контрасты и внешняя простота. Лирический же герой Александра Веденеева – городской человек, интеллигент, который чаще высказывается прямо, чем иносказательно, он еще видит в деревне свои корни, чувствует их в себе, но по духу, по внутреннему своему складу, по привычке и натуре он другой. В поэтике Александра Веденеева нет наивного народного, сказочного, песенного ощущения жизни – он более рационален и прагматичен. Здесь есть достаточно тонкое противоречие между сознанием природным и сознанием экологичным,

которое автор пока не раскрывает. Он, однако, не подстраивается и не стилизует, а избежать обмана и самообмана уже, безусловно, достоинство.

Тематически автор повторяет изгибы почвеннических идей второй половины XX века, круг их достаточно ограничен и не единожды вспахан, что требует новых подходов и решений. Обращение к памяти отца, матери, деда, бабушки, отчий дом, река, как время и жизнь, природа, как родная обитель, погост, Клюев, Рубцов, Кузнецов, запоздалое обращение к Творцу и горькие сомнения:

*Выходит, в людях что-то струнулось,
Намаялось, надорвалось...
Как много тех надежд и помыслов
Не состоялось, не сбылось.*

Или:

*Никому не нужны, перебиты
Наши символы веры... скрывать не хочу
Огорчение, чувство обиды.*

Все эти образы и символы традиционны так же, как и почти полный отказ поэтов-почвенников от обнародования своей любовной лирики. В то же время поэзия А. Веденева фактически избегает фольклорных и мифологических подтекстов, которые серьезно разрабатывали в своем творчестве и Клюев, и Рубцов, и Кузнецов, и их многочисленные последователи. Голос А. Веденева индивидуален, а не собран, ему интересен реальный «маленький» человек со своим кусочком земли под ногами, где он родился и где живет, со всей неохватной вселенной в его душе.

*Здесь весь я предан любви к родному.
Щекочет жук, по щеке сползая,
Беззвучно бабочка зависает.
Места все те же, что и спасает.*

А. Веденев защищает небольшое жизненное пространство: поле, дом, переплетенные, пронизанные человеческой судьбой. Север воспитывает характер поселенца.

*Дом входил в оснеженный рисковый простор,
Где от хвори-крушения слаб заговор.
А по немощи – помощи ждать не с руки,
И помогут ли – силой скудны – земляки?*

Здесь человек – мера всех вещей, человек строит и сохраняет дом, человек родит и воспитывает сына. Заонежский крестьянин в отличие

от среднерусского не знал крепостного права и сильного влияния общины. Таковую пропасть, как ни скрывай, не скроешь. Вот он, клюевско-есенинский – и шире – разлом.

Когда умирает деревня, остается верить в крестьянскую душу; когда мир вокруг рушится и не находится даже единственный праведник, остается верить лишь в маленькое чудо забытого доброго поступка. «Добро добром вернется впредь...» сказано широко и прозаично, но нашлось и точное поэтическое слово:

*...Вот и окончен бал. Двор пришкольный пуст,
Все обветшало, кроме души извивов.
Вытопан сад. Быть может, последний куст
Помнит тебя и ласку твоих прививок.*

Олег Мошников – поэт сильного лирического дара, предмет своей поэзии он сначала объедает чувством, окрашивает переживанием и лишь затем понимает мыслью. Его стих яростен, контрастен, стихотворен и в силу внутренней близости с народным стихом может быть напевен и мелодичен. Если у А. Веденева стихотворение в целом скреплено семантическим ритмом, то у О. Мошникова стихотворение армировано музыкальной фразой, мелодией.

Вообще, сравнение художественных методов этих двух карельских поэтов не случайно и плодотворно. В 2009 году при поддержке республиканского бюджета издана книга О. Мошникова «Солнечные письма». Одни названия говорят очень много: «Игра света» и «Солнечные письма». Вот и творческий резонанс.

О. Мошников формировался под сильным влиянием почвенных идей и поэтов, но, оттолкнувшись от них, первоначально обозначил тропу по нейтральной полосе. Его лирический герой не крестьянин и не переселенец из деревни в город, все корни обрублены, связи потеряны. Осенним листом закрутил и понес его ветер. Но жива «душа осеннего листа», и в последний миг листа она пробуждается, и перед внутренним взглядом ее вихрем проносятся воспоминания о детстве, о всех любимых, духовному оку открыты трагические моменты истории, зигзаги судьбы.

*Неужели ко мне возвратилось детство? –
На мгновенье футлярная ночь в окне
Растворилась, и нежные звуки скерцо
Подхватил виртуоз на одной струне.*

Хочется вернуться в детство, в огромный крестьянский дом, где скрип половиц и запах лип, и баба Паша допекает сканцы.

*Да тоскующая верба
Там давно стоит одна –
Гнется по ветру, но ветка
Не касается окна.*

Нет дома, ушли родители...

*Все, что осталось – слово,
Совість моя и память.*

Мир детства распадается, и даже память не может остановить распада. Родителей нет, но они будто рядом, какая же сила скрепляет мир человека? Верлибр подчеркивает не формальность чувства, а его жгучую внутреннюю силу.

*Как тугие паруса ветром,
существование человека наполнено
любовью ко всему,
что вдохновляет
и продолжает его жизнь.*

Любовь к дому, к сыну, к родителям, воспитательнице Марье Ивановне, к сказкам для маленьких, где побеждает добро, к женщине, к родине, ко всему необъятному миру. Любовь, о которой поэты-почвенники старались промолчать, храня в душе ее святые мощи, любовь, о которой А. Веденеев, не в силах промолчать, сказал шепотом, в стихах О. Мошников звучит в полный голос, от нутра, не разрушая ни такта, ни гармонии стиха. Но взгляд поэта не отрешен, любовь ко всему не заслоняет беды, чувствуется и нарастает диссонанс, окружающий мир далек от идиллии.

*Бурелом. Через пень колодина.
Паутина осенних дней.
Корневища – аорты Родины –
Рвут глухие сердца камней.*

Велика сила хаоса, разрушающая человеческую душу. И велик народ, преодолевающий испытания. Великая Отечественная война, репрессии, Афганистан, Грозный, унижение ветеранов, покаянные дни России – голос поэта не чурается сатиры: «Сон президента», и громкой публицистичности: «Молчите, политики и президенты!». В такой ситуации не до споров о правильности и традиционности написания, о «чистоте» поэтических школ. Пока художники спорят о почве и призывают к твердыне духа, народ – по-прежнему народ – и городской, и деревенский, тушит пожары, стоит в карауле, в запаянном гробу возвращается на родину.

*К сему числу и брага уготована:
Откроют штоф и молча будут пить...
Под грустную мелодию Антонова
Неласковую родину любить.*

Но что дает силы народу выстоять? Автор ищет ответы.

*То-то в поле юдоли – одна межа
В небеса уведет бездонные...
Отчего же только дрожит душа
Под твоими, Господь, ладонями?*

Душа дрожит, страх, а не надежда наполняет душу. Что же это: на бога надеяться, а сам не плошай, или отчаяние найти последнего праведника. «Волнуют душу купола... Но нет в душе бывшего храма», – такие мы находим строки. Автор обращается к мифологии, к сказке, к языческой силе земли. Пусть обрублены вепские корни поэта, забыт древний язык – в душе живут народные поверья, малой родной (домом, полем) становится малый исчезающий народ вепсов. О. Мошников занимается переводами с финского, карельского, вепского языков – выходят замечательные искренние стихи, многие из которых ложатся на музыку и песней живут в народе.

*Теплой горницы свет
Сквозь метель моих лет:
Снег с мукою... но перышком легким
Мажет мама пирог.
Месяц маслом истек
За окошком морозным и звонким.*

(Мамин пирог. Перевод с кар. Автор А. Волков)

И все же судьба малого народа не отделена от судьбы народа большого, а судьбы народов не отделены от судьбы человека. Так же, как и А. Веденеев, О. Мошников предлагает искать ответ на вызовы времени в себе, в душе малого человека, включающей весь мир, всю ойкумену. О. Мошников принимает жизнь такой, какая она есть, преодолевает страх силой любви и прощает все зло огромным сердцем романтика.

*Ничто не кажется чудесней
Земного берега мечты! –
Мы целый август были вместе:
Березы, птицы, я и ты...*

*Не поминая счастья всуе,
Кружился лист календаря,
И продлевала поцелуи
Густая тень монастыря.*

*Не оттого ли – по-соседски
В обратный путь благослови! –
Большой Великий Соловецкий
Стал нашим островом любви.*

Страшное, если вдуматься, стихотворение и смелое. Тень монастыря и тень ГУЛАГА не поборили света любви. Не короткая память тенденциозного историка, не иссохшая душа клерикала, не ущербное сознание политического экстремиста, а огромное гулкое сердце поэта пробило эти строки.

Творчество двух представленных карельских поэтов, различных по возрасту и поэтической манере, вместе с тем имеет общее идейное основание и единый духовный посыл. Перевести спор о путях России от бесплодной идеологической перепалки литераторов к взвешенному поэтическому и философскому размышлению лирического героя о своем собственном месте в мире. Не о коллективно-бессознательной, а о личной духовной ответственности индивида за происходящее. Речь, таким образом, может идти о категории совести.

Следствием такого подхода является смещение исторических акцентов и передислокация боевых сил разума на позиции 1860 г., когда Ф.М. Достоевский впервые предложил отказаться от изнуряющей борьбы славянофилов и западников ради примирения цивилизации и народного начала. Развивая мысль Достоевского применительно к сегодняшнему дню, насущными задачами становятся поиск национальной самобытности в эпоху глобализации, сохранение и развитие творческого мышления в программно-воспроизводимой информационной среде, экология всех уровней сознания, ставших мусорной свалкой медийных технологий.

Эти противоречия невозможно преодолеть раздробленным политически, экономически, культурно и социально обществом. А общественное согласие достигается не наличием национальной идеи, поиском которой вынужденно заняты многие умы, а справедливым устройством жизни. Крестьянскому, оседлому народу чуждо духовное кочевничество. За прошедшее тысячелетие земля наша отдавала дань Западу, призвав варягов, и шла на поклон к Востоку, выкупая ярлыки у золотоордынских цивилизаторов, рублила окно в Европу, куда вслед за галантными немецкими принцессами и французскими гувернантками бесцеремонно вломилась вооруженная до зубов просветители, а однажды, отчаянно вкусив привозного равенства и братства, попала в руки таких палачей, которые самыми кровавыми стали в ряду восточных тиранов.

Жить своим умом, жить по совести, а «не по лжи», – вот единственный путь к справедливому мироустройству, к высокой культуре, к привлекательному образу России, когда землепашец и рабочий получают достойное вознаграждение и уважение за свой труд, правосудие беспристрастно, закон не допускает толкований, а литературные журналы отбирают авторов по степени профпригодности, не принимая во внимание либеральность или консервативность их взглядов.

Представленные карельские поэты наглядно демонстрируют способность провинции к развитию, изменению укоренившихся взглядов, к синтезу либеральных и державных подходов в литературном творчестве. Новое почвенничество ломает стереотипы, отказывается от удобных клише, приглашает на диалог.

Дмитрий Анатольевич ГОРОХ

родился в 1975 году в г. Сортавала.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Живет и работает в Петрозаводске.

Автор книги стихов «Возвращение к морю».

В «Севере» публикуется с 2004 г.

